

Ю. В. Матова

Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4636-8946 E-mail: juliasatushina@gmail.com.

Метафорическое обозначение политиков в русском и английском языках

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются переносные значения имен существительных с семантикой субъекта трудовой деятельности (жандарм, лавочник, мясник, солдат, ахетан, executioner, slave-driver, sportsman и др.) в русскоязычной и англоязычной политической коммуникации. Материалом для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка и Оксфордского корпуса английского языка. Особое внимание в статье уделено выявлению и моделированию структур знания, лежащих в основе метафоризации. Анализ языкового материала показал, что в политической коммуникации источниками метафоризации регулярно служат следующие смысловые субсферы в рамках семантической сферы «Трудовая деятельность»: надзор и дознание; военная служба и спорт; волшебство и магия; торговля и финансы. Для русского и английского языков характерно сходство основных закономерностей метафоризации у выделенных смысловых групп. Как для русскоязычной, так и для англоязычной политической коммуникации характерно наличие пейоративного компонента в семантике переносных значений лексем, называющих работников правоохранительных, карательных органов, а также трудовых сфер, ассоциирующихся с жестокостью и насилием (мясозаготовка, лесозаготовка). Регулярно включается в метафоризацию лексика из военной и спортивной сферы, при этом делается упор на стереотипных положительных личностных качествах военных и спортсменов (военные — благородные, доблестные, самоотверженные, преданные делу люди; спортсменам уподобляются честные политики, те, кто соблюдают правила и умеют проигрывать). В обоих языках метафоры из сферы торговли регулярно включают отрицательный оценочный компонент, однако основания для негативной оценки различаются: в английском языке номинации торговцев служат для обозначения политических деятелей, которые занимаются распространением, пропагандой чего-либо неприятного, опасного, в русском языке акцент сделан на личных качествах продавца, что позволяет создавать номинации алчных чиновников, готовых на многое ради наживы, умышленно использующих что-либо в личных корыстных целях. Как демонстрируют переносные употребления лексики из смысловой субсферы «Волшебство и магия», характер оценочного компонента метафор в политическом дискурсе (отрицательный: метафоры служат для наименования плутов, обманщиков) может не совпадать с типом оценки, выявляемой в других видах коммуникации (частотна положительная оценка, связанная с указанием на выдающиеся способности).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические деятели; политический дискурс; политическая метафорология; политические метафоры; метафорические модели; метафорическое моделирование; политическая коммуникация; русский язык; английский язык; сравнительное языкознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Матова Юлия Вячеславовна, аспирант заочной формы обучения, Уральский государственный педагогический университет; преподаватель английского языка, муниципальное автономное общеобразовательное учреждение — гимназия № 8 «Лицей им. С. П. Дягилева»; 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Луначарского, д. 173; e-mail: juliasatushina@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Матова, Ю. В. Метафорическое обозначение политиков в русском и английском языках / Ю. В. Матова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 2 (74). — С. 79-84. — DOI 10.26170/pl19-02-08.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение языковых структур в их неразрывной связи с когнитивной деятельностью человека, процессом концептуализации знаний. Поскольку язык тесно связан с культурой этноса, то черты мировидения народа, элементы материальной и духовной жизни отражены в лексических единицах.

По признанию исследователей, особой силой в отражении когнитивной картины мира в языке обладает метафора [Дэвидсон 1990: 174; Опарина 2000: 187; Резанова 2003: 46; Телия 1988: 40]. Важное место в метафорической системе как русского, так и английского языка занимает метафора тру-

довой деятельности, что обусловлено особой ролью труда и профессии в структуре социальных отношений, их местом в развитии личности. О метафоризации лексики профессионально-трудовой деятельности в русском языке в исторической перспективе пишет в своих монографиях Л. В. Балашова [Балашова 2011, 2014].

В настоящей статье рассматриваются переносные значения имен существительных с семантикой субъекта трудовой деятельности и их функционирование в политической коммуникации, в частности анализируются метафоры из следующих смысловых субсфер: надзор и дознание; военная служба и спорт; волшебство и магия; торговля и

финансы. В нашей предыдущей статье [Матова 2018] раскрыты особенности употребления метафор, источником которых выступают такие смысловые субсферы, как созидательная трудовая деятельность; искусство и творчество; руководство и управление; прислуживание и низкоквалифицированный труд. Анализ корпусных данных позволил сделать вывод о том, что метафоры трудовой деятельности регулярно используются в политических текстах и сочетают именование, характеристику человека с оценкой личностных качеств этого человека и его деятельности. Кроме того, для русскоязычной и англоязычной политической коммуникации характерно использование сходных метафорических моделей.

Как для русскоязычной, так и для англоязычной политической коммуникации характерно наличие пейоративного компонента в семантике переносных значений лексем, называющих работников правоохранительных, карательных органов, а также трудовых сфер, ассоциирующихся с жестокостью и насилием.

Особенности профессиональной деятельности работников правоохранительных и карательных органов объясняют появление признаков 'жестокий', 'безжалостный', 'деспотичный' в метафорах. Так, переносное значение лексем *жандарм/gendarme* позволяет употреблять их для обозначения деспотичного политика или государства, правительство которого подавляет другие страны: *Последнее для Америки очень важно, поскольку она хочет не только быть „мировым жандармом“, но также и всеобщей любимицей; Even the Americans recognize that Israel can no longer play its Cold War role as the gendarme in the Middle East / Даже американцы признают, что Израиль уже не может быть жандармом на Ближнем Востоке, как во времена холодной войны.*

Жестокого угнетателя, мучителя обозначают метафорические производные существительного *палач/executioner*: *Советскому народу эта война нужна была, чтобы как-то выйти хоть на время из состояния <...> массового истребления палачами собственного народа; When Prokofiev's death coincided with Stalin's, besides an executioner Russia lost a genius / Когда смерть Прокофьева совпала со смертью Сталина, помимо палача Россия лишилась гения.*

Помимо названных видов деятельности, с особой жестокостью у носителей языка ассоциируется тюремный надзор, процесс дознания, охрана порядка: *Запад на современном этапе во многом занял роль тюремщика для России; Путин надзиратель,*

который арестовывает (наверно, лично) митингующих на Красной площади; ...transformed the United States from global trendsetter to selfappointed world jailer / ...превратил Соединенные Штаты из глобального создателя трендов в самозваного мирового тюремщика; President Donald Trump has confirmed his decision to withdraw US troops from Syria and said that his country cannot be the world's policeman / Президент Дональд Трамп подтвердил свое решение вывести войска США из Сирии и сказал, что его страна не может быть мировым полицейским; Is Bush a slave-driver in the office, and driving his people into the ground? / Буш — погонщик рабов на службе и заставляет своих людей работать на износ?

Отрицательно воспринимается обществом деятельность работников сферы мясорубки. Вполне естественно, что люди, занятые убоим животных, представляются носителю языка кровожадными, жестокими мучителями, и это отражается в метафорах: *Жуков, конечно, великий полководец, но большего мясника, чем он, я в истории не знаю; Да и то, лишь на фоне нищих пенсионеров, плачущих под красными знаменами о временах живодёра Сталина; Taiwan is not China and they don't kill people like the butchers in Beijing / Тайвань — не Кунтай, они не убивают людей, как мясники из Пекина.* Пейоративный оценочный компонент в английском языке включают метафорические номинации *axeman* (лесоруб), что обусловлено грубостью действий при лесозаготовке. Метафорические дериваты обозначают чиновника, который серьезно реорганизует какую-либо сферу, ломает: *Initially, he played down reports that he was being brought in as an "axeman". But one of his first acts was to shed about 100 jobs / Изначально он отшутился от сообщений, что его назначили в качестве „лесоруба“. Но одним из его первых действий стало сокращений около 100 рабочих мест.*

Регулярно включается в метафоризацию лексика из военной и спортивной сферы. Как правило, все метафоры данной группы построены на стереотипных представлениях о личностных качествах военных и спортсменов. Лексемы *богатырь* и *gladiator* (гладиатор) в метафорическом преломлении называют стойких и выдающихся людей, ведущих борьбу на политическом поприще: *Не перевелись ещё в Киеве богатыри, желающие снова побороться за Украину без Кучмы; ...beneath the surface affability lurked a tough political gladiator / ...под внешней учтивостью скрывался несгибаемый политический гладиатор.* С помощью метафориче-

ских производных от лексики военной и спортивной сферы обозначаются лица, ведущие борьбу, отличающиеся стойкостью и преданностью: *...если СПУ примет соответствующее решение и рекомендует меня на эту должность, то я, как „солдат партии“, буду его выполнять; Удальцов ведь искренний, привыкший рисковать, у него темперамент борца, и ясное дело, что такие сторонники эстетически привлекательней единоклассиков; ...he will continue to work as a party soldier with or without any post / ...он продолжит работать как солдат партии с постом или без него.*

Кроме того, на основе стереотипных представлений о военных формируются метафоры, обозначающие благородных, доблестных, самоотверженных, преданных делу людей. Люди, названные с помощью метафор *рыцарь, паладин, chevalier (шевалье), crusader (крестоносец), knight (рыцарь)*, великодушны и беззаветно преданы какому-либо делу или человеку: *Для одних он не более чем неясное интернет-порождение, а для других — современный политический рыцарь в сияющих доспехах (о Навальном); He joined a group of crusaders for political reform / Он присоединился к группе крестоносцев [борцов] за политическую реформу; All too often, our side wants a knight in shining armor; we expect a politician to come and save us / Слишком часто наша сторона ожидает рыцаря в блестящих доспехах, мы ждем, что политик придет и спасет нас.*

Помимо названных метафор, в английском языке синонимом честного и благородного политика становится существительное *sportsman (спортсмен)*: *We should be sportsmen and accept the outcome of an election, and be a good winner or a good loser, no matter what the results are / Мы должны быть спортсменами и принять результаты выборов, быть достойными победителями или достойными проигравшими, независимо от результатов.* Развитие у лексемы *sportsman* значения «человек, демонстрирующий качества, которые высоко ценятся в спорте, такие как честность, благородство, тот, кто соблюдает правила и умеет проигрывать» вызвано культурными причинами. Одним из важнейших и наиболее почитаемых жизненных принципов в английской культуре является принцип «честной игры», или «fair play», который является частью кодекса джентльмена и требует вести себя честно и беспристрастно в любых обстоятельствах. Принцип «честной игры» распространяется не только на спортивные состязания, столь популярные в Великобритании, но также на политику, бизнес и

остальные сферы жизни [Fox 2005: 158—159; Степанов 2007: 77—78]. Принцип «честной игры» характеризует англичан на протяжении многих столетий. В описаниях национального характера XVII в. находим такие слова: «Существует большая разница между обычной игрой и благородной игрой. <...> главное — строго следовать неписаными правилам, связавшим участников и зрителей в едином стремлении к честной игре. Это исключительно английское правило» [Langford 2001: 149].

Таким образом, формирование переносных значений в системе лексики военной сферы и спорта обусловлено главным образом ассоциациями и стереотипами, связанными с данными видами трудовой деятельности.

В политической коммуникации рассматриваемых языков представлены также метафоры, образованные от обозначений продавцов и финансистов. Интересно, что в обоих языках метафоры из сферы торговли регулярно включают отрицательный оценочный компонент, однако основания для негативной оценки различаются в зависимости от языка.

Так, в английском языке номинации торговцев служат для обозначения политических деятелей, которые занимаются распространением, пропагандой чего-либо неприятного, опасного (*merchant — купец, торговец, peddler — торговец вразнос*): *That once again exposed the viciousness of the Republican smear merchants and their most devoted followers / Это в очередной раз обнажило порочность республиканских торговцев клеветой и их самых преданных последователей; Last week a merchant of fear has barreled into the White House, and, on Sunday, he reiterated his threat to deport millions of people / На прошлой неделе торговец страхом стремительно занял Белый дом, а в воскресенье он возобновил свою угрозу депортировать миллионы людей; People feel excluded from society, excluded from politics and people who are peddlers of fear and hate can capitalise on that / Люди чувствуют себя исключенными из общества, отстраненными от политики, и торговцы страхом и ненавистью наживаются на этом.*

В русском языке акцент сделан на личных качествах продавца: метафорические дериваты лексем *коммерсант, лавочник, спекулянт, торгош* становятся средством косвенной номинации алчных чиновников, готовых на многое ради наживы, умышленно использующих что-либо в личных корыстных целях. Доказательством сказанного служат

следующие примеры: *Нужен не политический коммерсант, а борец. За ним массы и пойдут; Лапшин и его окружение давно превратились в лавочников от политики, беззащитно торгуют брендом Аграрной партии; О каких тогда равных возможностях для женщины говорят спекулянты и спекулянтки от политики? Разговоры идут о возможности для женщины стать премьер-министром, министром обороны или снайпером какой-нибудь войны; Путин постарается обменять Савченко на что-то существенное: „Путин, как политический торгаш, выжмет и из Керри <...> все политические дивиденды, которые будут возможны“.* Метафорические производные архаизма *ростовщик* в современном русском языке именуют алчных банкиров, ссужающих деньги под высокий процент, или финансистов-корыстолюбцев: *...что может заменить полностью скомпрометировавшее себя „демократическое“ устройство западного мира, управляемого грязными ростовщиками, бесстыдно манипулирующими менее ловкими людьми, и так далее.* Сходные метафоры формируются на основе лексемы *usurer* (*ростовщик*) в английском языке: *Capitalists were usurers and enemies of labor / Капиталисты были ростовщиками и врагами труда.*

Как отмечают многие специалисты, русскую культуру отличает неприятие мелочности, мещанства, пристрастия к внешней стороне жизни, стяжательства [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2012: 129—135; Степанов 2004: 580—590]. Ценится скромность, неприхотливость, бескорыстие, считается, что человек не должен хвалиться своими доходами, что материальное второстепенно. Погоня за материальными ценностями, стремление к накопительству резко осуждаются (см., напр., анализ концепта «собственность» в работе [Бабаева 2005], концепта «купля/продажа» в работе [Осипова 2005]). Поэтому при метафорическом осмыслении акцентируются негативные качества продавца как личности. Кроме того, торговля не является созидательным трудом, нацеленным на получение утилитарного продукта, поэтому торговая деятельность не расценивается как полезная и благородная.

Отдельно стоит сказать о метафоризации лексики, в денотативное ядро которой входит признак ‘работа по найму’, ‘выполнение работы за деньги’. Это такие существительные, как *наемник, наймит, кондотьер, проститутка, mercenary* (наемник), *prostitute* (проститутка). В обоих языках они формируют метафоры по одинаковой модели — переносные значения данных существи-

тельных используются для обозначения продажных, беспринципных, алчных политиков: *Этот опус предоставляет олигархам, читай, бандитам у власти, возможность подкупать целые партии и через них проталкивать в Госдуму своих наймитов; Ельцин разделил власть не как положено в нормальном обществе, между элитами, а между командами кондотьеров; В нынешней политической системе России лидер КПРФ Геннадий Зюганов — политическая проститутка, а глава ЛДПР Владимир Жириновский — даже не проститутка, а „купленный шоумен на службе Кремля“; Lee wasn't a political mercenary, simply serving the highest bidder. Politics wasn't his business. It was his calling in life / Ли не был политическим наемником, служащим тому, кто больше заплатит. Политика не была для него бизнесом. Она была его призванием по жизни; I want to see philosopher kings, not political prostitutes pandering to special interests / Я хочу видеть королей-философов, а не политических проститутков, угождающих отдельным интересам.*

Таким образом, метафоризация лексики из сферы торговли и финансов строится главным образом на ассоциациях, связанных с представителями торговых профессий, культурных стереотипах. Негативная оценочность связана с неприятием алчности, беспринципности, корысти.

Как и метафоры, описанные выше, переносные употребления лексики из смысловой субсферы «Волшебство и магия» используются для номинации политиков, а также оценочной характеристики их действий и поведения. Однако в данном случае тип оценки зачастую отличается от принятой в других видах коммуникации. Как показывает наш анализ, в других видах дискурса метафорические дериваты существительных, именующих магов и чародеев, имеют положительную оценку. При переносе признак ‘наличие сверхъестественных способностей’ преобразуется в такие признаки, как ‘наличие таланта’, ‘выдающиеся, необычные способности’, ‘исключительные качества’.

Так, *волшебником/wizard* называют того, кто поражает своими выдающимися знаниями и умениями: *Как истинный волшебник кисти, Аркадий Петрович умел нарисовать и свежесть ветра, и яркость солнца, и „звон мошкары, что в горячих лучах клубится“; In addition to being a wizard with the camera, Eastwood has made some truly great movies / Вдобавок к тому, что он — волшебник с камерой, Иствуд создал несколько по-настоящему великих фильмов.* Метафорические производные лексем *кудесник,*

чудодей, чародей, *magician* (*mag*), *enchanter* (чародей) помогают обозначить тех, кто изумляет, восхищает своим мастерством, искусством, кто совершает нечто необычное, удивительное: *Мой старший внук Антон — специалист и чудодеем в делах компьютерных; Рана оказалась глубокой, но, по счастью, хирург был чудодеем и успокоил бедную Валю, обещая применить для перевязки материал телесного цвета, такой, что публика ничего не заметит; Вечер музыки для скрипки и фортепиано в исполнении скрипача-чародея, русского Паганини Максима Федотова; Brazil's football team was heralded as the magicians of football / О бразильской футбольной команде возвещали как о футбольных магах; I'm an enchanter, and I worked with cars before the incident, your car busted, you could bring it to me, and I'd fix it right up / Я — чародей, я раньше работал с машинами, твоя машина сломалась, пригони ее мне, я мигом ее починю.*

При характеристике чиновников и политиков зачастую «плюс» меняется на «минус»: метафорические производные, образованные от обозначений магов и чародеев, используются для номинации плутов, обманщиков, ловкачей, махинаторов. Доказательством этого могут служить следующие примеры: *...в одной из жилищных контор поселка Эммаус нашелся чиновник-„чародей“, сумевший благодаря собственной халатности превратить волжские воды в ядерный коктейль из нечистот; На новой рабочей неделе главный политический волшебник Российской Федерации Владимир Путин должен объявить свежий состав правительства. А подобные мероприятия, с точки зрения ВВП, невысказаны без массового выпадения элиты в осадок от удивления по поводу новых назначенцев; Political magician Hillary Clinton predicted Saturday that just electing her President will cut the price of oil / Политический маг Хиллари Клинтон в субботу предсказала, что даже тот факт, что ее изберут президентом, уже снизит цену на нефть; Karl Rove, the political wizard behind George W. Bush's campaigns, is brewing a war within the Republican Party / Карл Роув, политический волшебник, стоящий за кампани-*

ями Джорджа Буша, затевает войну внутри Республиканской партии.

Проведенный анализ показывает, что в основе метафоризации лексики трудовой деятельности в русскоязычной и англоязычной политической коммуникации лежат сходные когнитивные структуры. Тем самым подтверждается общечеловеческий характер принципов, составляющих основу рассмотренных переносов.

Метафоры субъекта трудовой деятельности сочетают в себе именование политика, характеристику его поведения, личностных качеств, а также оценку этих характеристик, причем тип оценки может отличаться от принятого в других видах коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаева Е. В. Собственность // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 2. С. 288—299.
2. Балашова Л. В. История русской метафоры: когнитивный аспект. — Saarbrücken : LAMBERT Academic Publishing, 2011. 534 с.
3. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
4. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. — М. : Прогресс, 1990. С. 173—193.
5. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. О пошлости и прозе жизни // Константы и переменные русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. — М. : Языки славянских культур, 2012. С. 117—138.
6. Матова Ю. В. Политическая коммуникация как сферамишень метафоризации лексики трудовой деятельности в русском и английском языках (на материале национальных корпусов) // Политическая лингвистика. 2018. № 3 (69). С. 48—54.
7. Опарина Е. О. Исследование метафоры в последней трети XX в. // Лингвистические исследования в конце XX в. — М. : ИНИОН РАН, 2000. С. 186—204.
8. Осипова А. Г. Купля / Продажа // Антология концептов. — Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 2. С. 166—183.
9. Резанова З. И. Метафорическое миромоделирование // Метафорический фрагмент языковой картины мира: ключевые концепты. — Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. Ч. 1. С. 36—77.
10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М. : Академический проект, 2004. 992 с.
11. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. — М. : Языки славянских культур, 2007. 248 с.
12. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. — М. : Наука, 1988. С. 26—51.
13. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behavior. — London: Hodder, 2005. 432 p.
14. Langford P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650-1850. — Oxford: Oxford University Press, 2001. 389 p.

Yu. V. Matova

Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4636-8946

 E-mail: juliasatushina@gmail.com.

Metaphorical Nomination of Politicians in Russian and English

ABSTRACT. The article deals with transferred meanings of the nouns denoting subjects of professional activity (*zhandarm, lavochnik, myasnik, soldat, axeman, executioner, slave-driver, sportsman, etc.*) in Russian and English political communication. Research material was selected from the National Russian Corpus and the Oxford English Corpus. Special at-

attention is paid in the article to the identification and modeling of the structure of knowledge lying at the basis of metaphorization. The analysis of the sample has shown that the following semantic subspheres within the sphere "Professional Activity" regularly serve as sources of metaphorization in political communication: supervision and investigation; military service and sport; witchcraft and magic, commerce and finance. The Russian and the English languages display a similarity between the regular features of metaphorization in the given semantic groups. The presence of a pejorative component in the transferred meanings of lexemes nominating workers of law enforcing and punitive bodies, as well as those associated with cruelty and violence (meat and wood purveyance), is typical of both Russian and English political communication. Metaphorization of lexemes is regularly employed by the military and sport spheres, and the focus is placed on the stereotypical positive personality traits of military men and sportsmen (military men are presented as noble, courageous, self-sacrificing, loyal people; sportsmen nominations are used to denote honest politicians who abide by the rules of the game and know how to lose). In both languages, the metaphors from the sphere of commerce regularly include a negative evaluative component, but the reasons for the negative evaluation may be different: in English, the nominations of traders serve to denote politicians who are engaged in dissemination and propaganda of something unpleasant and dangerous; in Russian, the accent is placed on the personal traits of the seller, which allows creating nominations of greedy officials ready to do anything for personal gain and willfully using something for their own personal profit. The transferred meanings of the lexemes from the semantic subsphere "Witchcraft and Magic" show that the character of the evaluative component of metaphors in political discourse (negative: the metaphors are used to denote rogues and deceivers) may not correspond to the type of evaluation in other kinds of communication (positive evaluation associated with reference to outstanding abilities is quite frequent).

KEYWORDS: politicians; political discourse; political metaphorology; political metaphors; metaphorical models; metaphorical modeling; political communication; Russian language; English language; comparative linguistics.

AUTHOR'S INFORMATION: Matova Yuliya Vyacheslavovna, Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University; English Teacher, Municipal Autonomous General Education Institution – Gymnasium No 8 "S. P. Dyagilev Lyceum", Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Matova, Yu. V. Metaphorical Nomination of Politicians in Russian and English / Yu. V. Matova // Political Linguistics. — 2019. — No 2 (74). — P. 79-84. — DOI 10.26170/pl19-02-08.

REFERENCES

1. Babaeva E. V. Ownership // Anthology of concepts. — Volgograd : Paradigm, 2005. Vol. 2. P. 288—299. [Sobstvennost' // Antologiya kontseptov. — Volgograd : Paradigm, 2005. T. 2. S. 288—299]. — (In Rus.)
2. Balashova L. V. The History of Russian Metaphor: Cognitive Aspect. — Saarbrücken : LAMBERT Academic Publ., 2011. 534 p. [Istoriya russkoy metafory: kognitivnyy aspekt. — Saarbrücken : LAMBERT Academic Publishing, 2011. 534 s.]. — (In Rus.)
3. Balashova L. V. Russian Metaphor: Past, Present, Future. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2014. 496 p. [Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 496 s.]. — (In Rus.)
4. Davidson D. What Metaphors Mean // The Theory of Metaphor. — Moscow : Progress, 1990. P. 173—193. [Chto oznachayut metafory // Teoriya metafory. — M. : Progress, 1990. S. 173—193]. — (In Rus.)
5. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. About Vulgarity and the Prose of Life // Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World / A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev. — M. : Languages of Slavic cultures, 2012. P. 117—138. [O poshlости i proze zhizni // Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira / A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. S. 117—138]. — (In Rus.)
6. Matova Yu. V. Political Communication as a Sphere-Target for the Metaphorization of the Vocabulary of Labor in the Russian and English Languages (on the Material of the National Corps) // Political Linguistics. 2018. No. 3 (69). P. 48—54. [Politicheskaya kommunikatsiya kak sfera-mishen' metaforizatsii leksiki trudovoy deyatel'nosti v russkom i angliyskom yazykakh (na materiale natsional'nykh korpusov) // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 3 (69). S. 48—54]. — (In Rus.)
7. Oparina E. O. The Study of Metaphor in the Last Third of the Twentieth Century // Linguistic studies at the end of the twentieth century. — Moscow : INION RAS, 2000. P. 186—204. [Issledovanie metafory v posledney treti KhKh v. // Lingvisticheskie issledovaniya v kontse KhKh v. — M. : INION RAN, 2000. S. 186—204]. — (In Rus.)
8. Osipova A. G. Purchase / Sale // Anthology of Concepts. — Volgograd : Paradigm, 2005. Vol. 2. P. 166—183. [Kuplya / Prodazha // Antologiya kontseptov. — Volgograd : Paradigm, 2005. T. 2. S. 166—183]. — (In Rus.)
9. Rezanova Z. I. Metaphoric World Modeling // Metaphorical Fragment of the Linguistic Picture of the World: Key Concepts. — Voronezh : RIC EF VSU, 2003. Part 1. P. 36—77. [Metaforicheskoe miromodelirovanie // Metaforicheskii fragment yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty. — Voronezh : RITs EF VGU, 2003. Ch. 1. S. 36—77]. — (In Rus.)
10. Stepanov Yu. S. Constants: Dictionary of Russian Culture. — Moscow : Academic Project, 2004. 992 p. [Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. — M. : Akademicheskii proekt, 2004. 992 s.]. — (In Rus.)
11. Stepanov Yu. S. Concepts. Thin Film of Civilization. — Moscow : Languages of Slavic Cultures, 2007. 248 p. [Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 248 s.]. — (In Rus.)
12. Teliya V. N. Metaphor as a Model of Semantic Production and its Expressive-evaluative Function // Metaphor in Language and Text. — Moscow : Science, 1988. P. 26—51. [Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya // Metafora v yazyke i tekste. — M. : Nauka, 1988. S. 26—51]. — (In Rus.)
13. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behavior. — London: Hodder, 2005. 432 p.
14. Langford P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650-1850. — Oxford: Oxford University Press, 2001. 389 p.